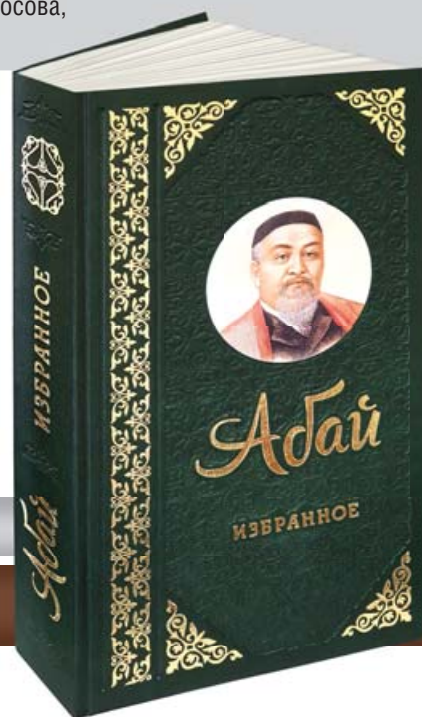

Анастасьев Николай Аркадьевич — доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, автор книг «Абай», «Ауэзов» серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия».

К 175-летию великого казахского поэта и мыслителя Абая Кунанбаева

Буквально с боем кремлевских курантов, оповещающим о наступлении третьего десятилетия XXI в., в Москве вышла книга с лаконичным названием «Абай. Избранное». Инициатором ее издания, автором композиции и вступительной статьи стал видный казахстанский общественный и государственный деятель, дипломат, доктор политологии, часто и плодотворно выступающий на ниве просвещения и культуры, Таир Аймухаметович Мансуров. Основной корпус книги вполне созвучен ее наименованию — стихи классика в оригинале и переводах на русский, «Слова-назидания». Но, конечно, издание это — далеко не первое в том же роде — менее всего рутинно. Начать с оформления — яркого, праздничного, подарочного, можно сказать, по-восточному изысканного и пряного, богато иллюстрированного фотографиями, порой широко известными, порой редкими, а в иных случаях и вовсе не бывшими доньше достоянием широкой публики. Далее — парадный вход: фрагменты из выступлений двух президентов — Нурсултана Абишевича Назарбаева и Владимира Владимировича Путина при открытии в 2006 г. памятника Абаю, установленного на Чистых прудах, близ посольства Казахстана в России. И финал — посвященные классику стихи современных казахских поэтов и философское эссе профессора-абаоведа Гарифоллы Есима (как и предисловие, оно представлено на двух языках — казахском и русском). Составитель озаглавил этот раздел книги «Прикосновение к Абаю» — и с названием угадал: и ученый муж, и в еще большей степени стихотворцы словно приближаются к монументу, почтительно оглядывают со всех сторон, вслушиваются в слова, прозвучавшие много лет назад и ныне сохранившие всю свою первоначальную свежесть, неустраимо рассеянные в воздухе Великой степи да и за ее пределами, приближаются, отступают на шаг назад, снова подходят, задаются мучительными вопросами...

*Не опоздал ли я к тебе, Абай-ага?
Сквозь времени глухую отдаленность
Узнаешь ли меня, Абай-ага,
Как передать волненье и смущенность*

*Перед таким величием души?!
О, как мечтал я встретиться с тобою!
А вдруг — поторопился, поспешил
И твоего доверия не стою?*

(Туманбай Молдагалиев)

Да, все правильно: прикосновение, поклон наследников и учеников первопроходцу и Учителю. И вместе с тем — это я уж от себя добавляю — веночек сонетов (хотя и не обязательно в канонической форме). Веночек. Дар. Подношение.

Так складывается мозаика — единство, сотканное из внутреннего многообразия. Привычное и знакомое («избранное», как, напоминаю, значится на обложке) в непривычной огранке.

Тут пора заметить, что ни сроки издания, ни его форма далеко не случайны. В этом году Казахстан, что закреплено специальным указом президента Касым-Жомарта Кемелевича Токаева, отмечает 175-летие со дня рождения Абая, к чему, собственно, и приурочено нынешнее издание. Оно, повторяю, уже одним своим обликом напоминает о юбилее. Но юбилей, по крайней мере в данном случае, это не просто дастархан, торжественные тосты и вообще все, что прилично празднованию круглых дат. Нынешний юбилей, и книга, составленная Т.А. Мансуровым, об этом убедительно свидетельствует, — это веха в неостановимом людском походе в сторону Абая, это ноша, это, если угодно, бремя, тяжелое, но необходимое, возвышающее душу и просветляющее ум.

Существенное, а может быть, и опорное место во вступительной статье Т.А. Мансурова занимает тема творческих связей Абая и Пушкина. Тема традиционная, и, не специалист, а лишь вольный путник по садам казахской словесности, я не вправе судить о том, насколько оригинальны высказанные по этому поводу мысли. Но одно суждение мне показалось снайперски точным и вместе с тем вызвало некоторую зависть — чувство, конечно, сугубо не похвальное. Вот оно, это наблюдение: «Абай взялся за перевод («Евгения Онегина». — *Авт.*) и сделал это своеобразно: решил передать стихи Пушкина через мелодию. „Мысль, как птица, стремится ввысь, — говорил он, — и тень ее — мелодия“. „Песня Татьяны“, переведенная Абаем и положенная им на музыку, переходила из одной юрты в другую, из аула в аул, была понятна любому степному казаху, всему народу».

Много ли примеров знает история художественного перевода, многовековая история диалога различных национальных литератур, когда один поэт передает содержание и дух творчества другого поэта исключительно музыкальными средствами? Мне лично не известен ни один,

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев и Президент Российской Федерации В.В. Путин на церемонии открытия памятника Абаю Кунанбаеву. Москва, 4 апреля 2006 г.

и, благодарный читатель, я могу лишь как старый и въедливый шкраб заметить, что не просто «своеобразно» решает Абай поставленную перед собою труднейшую задачу — он решает эту задачу средствами *уникальными*.

Ну а зависть, понятно, чем вызвана: в отличие от Т.А. Мансурова и его соотечественников — насельников юрт и аулов (да, полагаю, и городов тоже), я, увы, не в состоянии услышать «Песню Татьяны» на казахском.

Расслышать не в состоянии, но разглядеть и, соответственно, оценить могу. Когда-то, сочиняя

Абай с сыновьями Акылбаем и Турагулом

Скульптурная композиция «Абай и Пушкин» по проекту Зураба Церетели в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области, 2006 г.

для ЖЗЛ биографию Абая, я, помимо иных мест, связанных с его жизнью и судьбой, заехал в Петропавловск, где на гранитном постаменте запечатлена встреча Пушкина и Абая. Памятник поразил меня, с одной стороны, оригинальностью, а с другой — внезапной точностью художественного решения: поэтов, разделенных временем и пространством, сближает ветвящееся между ними Древо Жизни. Но тогда я не знал, что инициатива установления памятника исходит все от того же Таира Аймухаметовича Мансурова и, кажется, даже его композицию они обговаривали вместе с выдающимся скульптором Зурабом Константиновичем Церетели. Теперь знаю и могу задним числом поблагодарить Таира Аймухаметовича за то, что, сам того не ведая (как, повторяю, не ведал в ту пору и я), он подсказал мне кое-какие мысли, развитые в соответствующем разделе книги.

Русскому поэту и критику середины XIX в. Аполлону Александровичу Григорьеву принадлежит известная максима: Пушкин — это наше все. Она настолько давно и прочно вошла в наш мыслительный и речевой обиход, что мы редко задумываемся: а что это, собственно, значит? Автор статьи «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859) разъясняет: «Пушкин — наше все. Пушкин — представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами. Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принявший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, все то, что принять следует, отбрасывающий все, что отбросить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, образ, который мы долго еще будем оттенять красками».

Наверное, то же самое, разумеется, всякий раз по-своему, немец мог бы сказать о Гете, англичанин о Шекспире, испанец о Сервантесе.

А казах — об Абаяе.

Собственно, не «мог бы», а так и говорит, причем, что столь редко бывает, в едином звучании сливаются голоса поэта и правителя: «Как никогда именно в эти дни Абай стоит ярко освещенный и ясно понятный нам, вновь оживший... Все великие личности обретают бессмертие — спутники истории своих народов, светила — спутники поколений, наши дорогие предки».

(Мухтар Омарханович Ауэзов, из выступления в Колонном зале Дома Союзов в Москве на заседании по случаю 50-летней годовщины кончины Абая, 24 сентября 1954 г.)

«Мудрец Абай — олицетворение казахского народа. Возвышая Абая, мы формируем национальный дух подрастающего поколения. Через Абая мы представляем нашу страну всему миру».

(Касым-Жомарт Кемелевич Токаев)

Кому как, а мне в этих словах ближе всего, пусть по-разному выраженная, то прямо, то сокровенно, мысль о всемирном значении национальных гениев, об их, говоря словами Достоевского из пушкинской — какой же еще? — речи, всемирной отзывчивости, общительности. Собственно, они потому и гении, что им внятна речь

не только своего, но всех народов и поколений, являвшихся когда-либо на нашу землю.

Наверное, эта полифоническая музыка звучит в стихах Абая. Я об этом, вновь признаюсь со всем смирением, судить не могу — оригинал моему пониманию недоступен, а переводы, даже и в исполнении мастеров своего дела (некоторые имена называет в своем вступительном очерке Т.А. Мансуров), не дают возможности ощутить величие первоизданной поэтической речи Абая (как, к слову, сильно утрачивается в переводах на иностранные языки мелодическое очарование пушкинских стихов).

Иное дело — «Слова-назидания». Это философская эссеистика, где на первый план выступает *мысль*. Они порождены родной историей и бытом, и легендами, и речью Степи, и в то же время в «Словах» отчетливо уловима переключка с мыслителями разных эпох и разных народов. Поистине, как сказал бы Киплинг, «нет Востока и Запада нет». Собственно, уже само звучание «Слов», сама их форма размыкает предмет раздумий, пронизывает его лучами, направленными со всех концов света.

«Слова» — журавлиный клин вопросов, даже в тех случаях, когда речь звучит утвердительно. А это значит, что Абаю, этому Моисею Великой степи, кровно близка мысль, высказанная задолго до него и совсем в иных пределах.

«ТЕЖКТЕТ. Клянусь богами, Сократ, все это приводит меня в изумление, и, сказать по правде, когда я пристально взглядываюсь в это, у меня темнеет в глазах.»

Николай
Аркадьевич
Анастасьев

Таир Аймухаметович Мансуров

СОКРАТ. А Феодор, как видно, неплохо разгадал твою природу, милый друг. Ибо как раз философу свойственно испытывать такое изумление. Оно и есть начало философии...»

(Платон, из диалога «Теэтет»)

Примерно через полтора столетия эти слова подхватил другой великий грек: *«И теперь, и прежде удивление побуждает людей философствовать».*

(Аристотель, «Метафизика»)

Вслушайтесь в звучание «Слов», хотя бы «Слова» 27, где звучит речь Сократа, записанная Ксенофонтом, а затем Абаем, и вы убедитесь, как все близко сходится, как сокращаются расстояния и стягиваются времена.

Закончу еще одной записью:

*С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье.
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.*

Это строки из стихотворения Е.А. Баратынского, написанного на смерть Гете.

Думаю, их вполне можно отнести к Абаю.

Он подобен горизонту, который всегда виден и которого никогда невозможно достичь. ■

ПЭС 20007 / 23.01.2020